
КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРЛА МАРКСА)

Александр Владимирович БУЗГАЛИН,

доктор экономических наук, профессор,
директор Научно-образовательного центра
современных марксистских исследований,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,

визит-профессор Пекинского, Хайнаньского педагогического
и Кембриджского университетов,
e-mail: buzgalin@mail.ru

200-летие со дня рождения Маркса стало событием мирового масштаба. Автор доказывает, что классическая и современная экономическая теория марксизма, очищаясь от наслоений прошлого догматизма, дает ответы как на фундаментальные, так и современные вопросы экономической жизни. Классический марксизм показывает причины и закономерности возникновения рынка и капитала, их противоречия, потенциал и пределы их развития. Теория товарного производства (и рынка как его формы) как особой исторически конкретной системы общественных отношений, а не просто механизма соизмерения результатов и издержек, теория эксплуатации и подчинения труда капиталу – это не только характеристики капитализма XIX в. (а этот капитализм столетия спустя вновь воспроизводится в странах периферии и полупериферии), это и общие основы любой экономики, где господствуют рыночная конкуренция, деньги, прибыль. Современный марксизм показал, какое новое наполнение получают эти категории в тех экономических системах, где производство базируется уже не на репродуктивном индустриальном, а на творческом, использующем высокие технологии труде. Это рынок, на котором корпорации-сети все больше производят не товары, а их знаки – симулякры, где они манипулируют потребителями, используя сложную систему методов технологического и экономического подчинения контрагентов, вплоть до хайпа. Это капитал, присваивающий не только прибавочную стоимость, но и интеллектуальную ренту и подчиняющий себе личность креативного работника. Но это еще и система отношений, в рамках которой формируются, одновременно и развивая и подрывая ее основы, элементы посткапиталистических отношений – общественного регулирования, изъятия части прибыли собственников капитала и использования ее на общественные нужды, собственности каждого на все (бесплатный неограниченный доступ к общественным благам – культуре, образованию и т.п.). Таковы контрапункты рынка и капитала XXI в.,

раскрываемые не только Марксом, но и современными отечественными и зарубежными марксистами.

Ключевые слова: Маркс; марксизм; политическая экономия; рынок; капитал; креативный труд; интеллектуальная рента

THE KEY TO UNDERSTANDING THE CONTRADICTIONS OF THE MODERN ECONOMY (TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF KARL MARX)

Alexander V. BUZGALIN,

Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Department of Political Economy at the Faculty of Economics,
Director of the Scientific and Educational Center
for Modern Marxist Studies at the Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
visiting professor of Peking, Hainan Normal and Cambridge Universities,
e-mail: buzgalin@mail.ru

The 200th anniversary of the birth of Marx was a world-wide event. The author proves that the classical and modern economic theory of Marxism, cleansed of the layers of past dogmatism, provides answers to both fundamental and contemporary questions of economic life. Classical Marxism reveals the causes and patterns of market and capital emergence, their contradictions, the potential and limits of their development. The theory of commodity production (and the market as its form) as a particular historically specific system of social relations, and not merely a mechanism for measuring the results and costs, the theory of exploitation and subordination of labor to capital are not only characteristics of capitalism of the nineteenth century (and this capitalism is again reproduced in countries of the periphery and semi-periphery centuries later), these are the general foundations of any economy dominated by market competition, money, and profit. Modern Marxism has shown what new content these categories receive in those economic systems where production is no longer based on the reproductive industrial, but on creative, high-tech labor. This is a market in which network corporations increasingly produce not goods, but their signs which are simulacra, where network corporations manipulate consumers, using a complex system of methods of technological and economic subordination of counterparts, up to the hype. This is capital, which appropriates not only surplus value, but also intellectual rent and subordinates the personality of the creative worker. But this is also the system of relations in which both elements of post-capitalist relations-public regulation, the withdrawal of a part of the profits of the owners of capital and its use for public needs, the property of everyone for everything (free unlimited access to public benefits – culture, education, etc.) are developed and undermined its bases. Such are counterpoints of the market and capital of the 21st century, revealed not only by Marx, but also by modern Marxists all over the world.

Keywords: Marx; Marxism; political economy; market; capital; creative labor; intellectual rent

JEL classifications: B14; B24; B51

Введение

Сложна судьба марксистского наследия в нашей стране. Начавшись со все большего и большего увлечения теорией Маркса в позапрошлом веке и придя к превращению в СССР в официальное и единственно верное теоретическое основание идеологии (что вызвало крайне противоречивые последствия для этого теоретического направления: с одной стороны, догматизация и идеологическая цензура, с другой – активные творческие исследования, давшие результаты мирового уровня), в постсоветской России марксизм вообще и марксистская политэкономия в частности были преданы остракизму и изгнаны из научных и образовательных сфер.

Тем не менее марксизм в России XXI в. жив. Более того, он развивается, и достаточно успешно: в нашей стране сформировались различные теоретические направления, включая постсоветскую школу критического марксизма (см., напр. (Buzgalin, Kolganov, 2016)), издается и имеет высокий импакт-фактор журнал «Вопросы политической экономики»¹, в котором опубликованы серии статей ведущих политэкономов нашей страны (см., напр.: Воейков, 2016; Дзарасов, 2015; Мамедов, 2015; Пороховский, 2016; Рязанов, 2016; Хубиев, 2016; Цаголов, 2015; Черковец, 2017) и зарубежных авторов (см., напр.: Амин, 2016; Веркёй, 2017; Лэйн, 2016; Фриман, 2016; Энфу, Цзянькунь, 2017), труды марксистов размещают центральные экономические журналы (см., напр.: Бuzгалин, 2018; Колганов, 2017; Мамедов, 2017; Мамедов, Брижак, 2013; Рязанов, 2015).

Не менее активно развиваются марксистские исследования в мире. Достаточно посмотреть на содержание таких журналов, как «Cambridge Journal of Economics», «World Review of Political Economy», «Radical Review of Political Economy», «International Critical Thought», многочисленные журналы, издаваемые на китайском, немецком, испанском и других языках, чтобы в этом убедиться.

Естественно, что в коротком эссе невозможно осветить все те важнейшие политико-экономические разработки как самого Маркса, так и его последователей, которые имеют непреходящую ценность и должны активно использоваться для исследования современной экономики. Мы остановимся только на некоторых, на наш взгляд, наиболее значимых, аспектах этой теории – тех, без которых в современной экономике многое остается как бы «невидимым» для современного «основного направления» экономической теории. Лишь марксистская теория предлагает ту систему категорий, которая позволяет исследовать не только формы обмена и поведения акторов рынка, но и те объективные производственные отношения, которые определяют в конечном итоге и формы рыночных взаимодействий, и мотивы участников рыночных транзакций. Только марксизм дает тот «телескоп», который позволяет увидеть звезды и галактики, закрытые пеленой превратных форм капиталистической действительности и потому невидимые невооруженным глазом «здравого смысла» позитивиста, методология которого лежит в основе современной экономики.

Теория классического капитализма: товарное производство и рынок

Казалось бы, что нового можно найти в «Капитале» Маркса по проблемам теории рынка, чего не знает современное «основное направление» экономической теории? На первый взгляд, ничего. Но достаточно задать несколько «вредных» вопросов, чтобы очевидное оказалось невероятным. Автор этих строк в лучших университетах России, США, Китая регулярно задает студентам один и тот же вопрос: «Скажите, когда рынок стал господствующей формой экономических связей между производителями и потребителями в мировом масштабе?» и регулярно получает широчайший спектр ответов: от античности до середины XX в. Причем большинство указывает на эпоху промышленной революции. При этом следующий вопрос: «Скажите, а что такое рынок?»

¹ Полнотекстовые версии статей доступны на официальном сайте <http://www.interpolitec.ru/> и на странице журнала на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=57993>

ставит молодых ученых, прослушавших 2–5-летний курс по рыночной экономике, в тупик. Отвечают обычно нечто вроде «место трансакций», «взаимодействие продавцов и покупателей», «экономика, где есть деньги». В лучшем случае: «экономика, основанная на конкуренции». Сформулировать ответ на вопрос, что есть системное качество, задающее специфику всех элементов и связей, границы и пределы развития системы по имени «рынок», в отличие от других типов экономических систем, подавляющее большинство студентов не может и обиженно заявляет: «Нас этому не учили».

Вот именно. Этому «мейнстрим» не учит.

Но этому учит марксистская политическая экономия, объясняющая, что рынок – это форма особой системы производственных отношений, в основе которой лежит противоречие частного и общественного труда, обособленности производителей и общественного разделения труда, полной независимости частных акторов, над которыми не стоит никаких «начальников», и их всеобщей зависимости друг от друга, создаваемой все более глубокой (в пределе – всемирной) системой разделения труда. Уберите первую сторону – и вы получите плановую экономику. Уберите вторую – и вы окажетесь в натуральном хозяйстве. Только диалектическое единство этих сторон дает систему отношений товарного производства, формой которой и является «рынок».

Самое смешное, что неявно, едва ли не в подсознании экономистов основного направления скрыто именно такое понимание рынка, ибо на практике они неизменно борются за как можно более полную независимость производителей (выступая против государственного воздействия на экономику) и как можно более глубокое разделение труда (поддерживая развитие свободной мировой торговли, глобализации). В этом – вот парадокс – марксизм един с радикальным антимарксизмом – теориями австрийцев.

Но далее марксистская политэкономия делает из этого определения товарного производства выводы, прямо противоположные австрийцам. Она говорит: товарное производство и его форма – рынок – это качественно определенная, особая экономическая система, а не экономика вообще. Как таковое товарное производство («рынок») имеет свои исторические и пространственные границы и пределы развития.

Исторически господствующим в мировом масштабе (а не в пределах «запада», дальше которого большинство теоретиков мейнстрима в своих фундаментальных работах, а не в текстах по экономике развития не смотрят) рынок стал едва ли в середине XX в. До этого не только Африка, Китай, Индия и большинство других стран Азии плюс СССР, но и большая часть жителей Латинской Америки осуществляли производство и потребление в рамках натурального хозяйства, дополняемого сложной системой отношений рентной эксплуатации. Правда, главным социально-экономическим «драйвером» прогресса производительных сил «рынок» стал раньше – где-то с XVIII в., еще через полтора столетия – к концу XIX в. – «рынок» стал формой аллокации ресурсов, которая опосредовала движение большей части мирового валового продукта. В любом случае, однако, «рынок» – это очень молодая экономическая система.

Что же касается исторических пределов «рынка», то в данном случае следует говорить уже о более конкретном явлении – капиталистическом способе производства, ибо современные товарные отношения немыслимы без рынка капитала и наемного труда. Начиная с середины XX в. в экономиках развитых стран активизируется общественный сектор, в котором отношения товарного производства (в которые вступают обособленные частные производители, продающие частные блага) интенсивно интегрированы с пострыночными отношениями (в которые вступают производители общественных благ и получающие их бесплатно потребители). Более того, производство обособленных товаропроизводителей сегодня активно регулируется обществом и государством, которые устанавливают социальные, экологические и иные ограничения, вводят нормативы качества, регулируют цены и т.д.

Тем самым мы можем сделать вывод о наличии в современной экономике пострыночных отношений, посредством которых происходит связь производителей и по-

требителей, осуществляются процессы присвоения и распределения благ вплоть до отношений воспроизводства (подробнее см.: Бузгалин, Колганов, 2016а; 2016b). Этот теоретический вывод легко подтверждается фактами: общеизвестно, что от начала XX в. до его конца доля ВВП, перераспределяемого государством (т.е. получаемого и используемого не по законам рынка), в странах «ядра» (используем терминологию Иммануила Валлерстайна, ученого, близкого к марксизму (Wallerstain, 2004)) выросла от 10–15% до (в среднем) 35–50%². Не менее хорошо известно, что в этих же странах от ¼ до ⅓ всех благ граждане получают бесплатно (подробнее о долгосрочных тенденциях с точки зрения участия государства в экономике стран «ядра» см. (Бузгалин, 2017, с. 48)). Все это указывает на наличие реальных социопространственных границ и социовременных пределов экономической системы, называемой в рамках «основного течения» рынком.

Вернемся к классической марксистской теории капиталистического способа производства и напомним некоторые активно «забываемые» ныне положения, на которых не грех сделать акцент в XXI в.

Теория классического капитализма: капитал и наемный труд

Прежде всего, заметим, что ставшие предметом исследования Маркса отношения наемного труда и капитала, покоящиеся на индустриальном базисе, – это, к сожалению, далеко не только прошлое человечества. Если под рыночной экономикой подразумевать не только процессы, происходящие в странах «ядра», а включать в ее орбиту и «периферию», то окажется (и на это указывают факты), что индустриальный труд наемного работника как приписка машины (станка, конвейера, погрузчика, грузовика), реально подчиненный капиталу, в современных условиях занимает в совокупном мировом производстве долю гораздо большую, чем во времена Маркса. Капиталистическая индустриализация, охватившая с запозданием на полтора столетия Китай, Индию и многие другие бывшие еще недавно колониями страны, сделала «Капитал» и другие классические работы марксистов позапрошлого и прошлого веков вновь крайне актуальными для понимания экономических реалий.

В этой связи позволим напомнить читателю некоторые фундаментальные положения теории эксплуатации Маркса. Она исходит из того, что покупаемый собственником капитала товар – рабочая сила – стоит меньше, чем та стоимость, которую может создать наемный работник, ставший товаром, купленным капиталистом. Причина проста: стоимость рабочей силы – это стоимость средств, необходимых для ее воспроизводства, а человек – и это аксиома – способен производить больше, чем необходимо для его воспроизводства, способен создавать прибавочный продукт. Стоимость этого продукта и есть та прибавочная стоимость, которая получает форму прибыли, присваиваемой собственником капитала.

Напомним также, что капитал присваивает труд не отдельного, а совокупного работника – коллектива, включающего более или менее квалифицированных работников, и (NB!) труд руководителя производства. Поскольку рабочая сила квалифицированных работников стоит больше, то и ее цена (заработная плата) больше. Отсюда правомерность и обоснованность более высокой оплаты труда инженеров, руководителей и подобных специалистов, в том числе труда собственника капитала, если он, конечно, не рантье. Но различие в стоимости товара «рабочая сила» – это различие в разы, максимум – в несколько десятков раз. Это, кстати, фиксирует практика: доходы топ-менеджеров коллективных предприятий и кооперативов, в том числе выпускающих продукцию на миллиарды евро в год (например, Мондрагонской группы коопе-

² Данные о текущем уровне доли государства в ВВП по странам представлены, напр., The Heritage Foundation (см.: The Heritage Foundation. 2017 Index of Economic Freedom // The Heritage Foundation. Institute for Economic Freedom. URL: <http://www.heritage.org/index/ranking> (Дата обращения: 10.02.2018)).

ративов), превышают среднюю заработную плату работников этих коллективов, как правило, в 5-10 раз.

Отсюда вывод: с точки зрения классической (хотя сегодня все обстоит сложнее, и об этих новых сложностях – ниже) марксистской теории собственник капитала, работающий топ-менеджером и получающий доход примерно в 10 раз больше среднего в его фирме, не эксплуататор. Если же он получает доход (включая бонусы, тантъемы, скрытые привилегии) в тысячу раз больше рабочих, то он отчасти (на 1%) наемный работник-управленец, а по преимуществу (на 99%) эксплуататор, присваивающий прибавочную стоимость, созданную наемными работниками.

Эти выводы вот уже более 100 лет кажутся очевидно неправомерными всем тем, кто является собственником капитала и пишет теоретические работы, посвященные тому, как выгоднее продать товар с целью получения максимальной прибыли и обеспечить для этого макроэкономическую стабильность (а именно на эти темы в конечном итоге пишутся ключевые работы авторов, принадлежащих к основному течению экономической теории, начиная с конца XIX в.). Но эти выводы кажутся абсолютно обоснованными и истинными всем тем, кто выходит на забастовки и митинги, требуя как минимум реформ, обеспечивающих повышение заработной платы, введение прогрессивного подоходного налога, бесплатности образования и здравоохранения, и других шагов, направленных хотя бы на частичный возврат прибавочной стоимости тем, кто ее создал, – наемным работникам.

Прежде чем мы обратимся к вопросу о некоторых модификациях этих отношений в современных условиях, напомним ряд аспектов классической политэкономии, особо актуальных для понимания природы капиталистической экономики вообще (как центра, так и периферии) и экономики постсоветской России в частности.

Первый аспект. Присвоение прибавочной стоимости – далеко не единственное слагаемое эксплуатации наемного работника. Не менее значимо и гораздо труднее преодолимо то отношение, которое Маркс назвал *реальным подчинением труда капиталу*. Это подчинение базируется на превращении человека – особи, родовой сущностью которой является способность к творчеству (чем, собственно, человек и отличен от пчелы или робота), – в придаток машины, осуществляющий частичную функцию, причем цель и основные параметры его труда заданы в этом случае не им, и даже не хозяином производства, а самой системой машин. То, что Маркс называл «капиталистическим наемным рабством», и сохранение роли человека как частичного работника, придатка машины – это едва ли не ключевые проблемы современных стран «полупериферии» вообще и России в частности.

В странах «ядра» подчинение труда капиталу и эксплуатация также имеет место, но она существенно иная и ее анатомия раскрыта уже не столько в работах Маркса, сколько в работах марксистов конца XX – начала XXI в.: марксизм сегодня – это далеко не только работы самого Маркса, о чем мы уже писали и не раз.

Второй аспект. Маркс специально подчеркивал двойственное влияние капитала на эволюцию производительных сил. С одной стороны, капитал стремится к повышению производительности труда, ибо только так он может постоянно извлекать сначала избыточную, а затем и относительную прибавочную стоимость, снижая издержки производства. Отсюда прогрессивная миссия капитала, особенно в том, что касается снятия рутинно-застойного феодального типа производства. С другой стороны, капитал развивает только те производительные силы, которые позволяют постоянно увеличивать прибыль. Отсюда антигуманный тип производства, который свойствен капиталу там и тогда, где этому не препятствуют мощные организации трудящихся и/или не требуется использование творческого труда (но об этом – капитализме последних десятилетий – ниже). И что еще печальнее: капитал ориентирует прогресс производительных сил на максимизацию продаж, что и делает эту систему машиной по воспроизводству общества потребления, ведя в конечном итоге в тупик развитие человека и его куль-

туры и природы, о чем не устают писать гуманисты и экологи на протяжении вот уже более полувека (см., напр.: Fromm, 1963; Фромм, 1990; Сэв, 1972 и др.)³.

Вот почему все конструктивные критики капитала говорят не только о необходимости прекращения эксплуатации, но и о важности качественного изменения, *снятия* (т.е. отрицания с удержанием позитивных сторон) всей системы производственных отношений капиталистического способа производства и, более того, всей предыдущей «предыстории»⁴. Для России эти предложения сформулированы, в частности, автором и его соавтором – А.И. Колгановым – в тексте «Экономика для человека. Стратегия опережающего развития – 2017» (Бузгалин, Колганов, 2017а; 2017б).

И последний, третий аспект. Как ни странно, но конец XX в. – эпохи торжества рыночной экономики в глобальном масштабе – оказался для многих стран периодом своеобразного первоначального накопления капитала. И здесь мы – граждане стран бывшей мировой социалистической системы – столкнулись с гротескным, но от этого не менее чудовищным воспроизведением закономерностей этого процесса, описанных в заключительных главах первого тома «Капитала», где Маркс на основании обобщения огромного исторического материала показал те варварские, базировавшиеся на насилии методы, при помощи которых формировались ключевые капиталистические состояния в Великобритании (см. Маркс, 1960, с. 725–773).

Российская Федерация, где в отличие от Англии для развития капитализма уже была готовая индустриальная и даже высокотехнологическая база, продемонстрировала весьма специфичный вариант, но точно так же замешенный на насилии и преступлениях (от коррупции до рэкета), вкупе с массовым сокращением доходов большей части населения (в среднем, напомним, на треть, для беднейших двух третей населения – более чем в 2 раза). Выросший на базе полууголовного, полукоррупционного дележа бывшей государственной собственности, основанный на модели «сначала все поделить, а потом все отнять» российский капитализм до сих пор в точном соответствии с духом и буквой марксизма несет на себе отпечаток своего генезиса, предпочитая технологическим инновациям и вложениям в человеческое развитие самые выгодные в России – коррупционные – «инвестиционные проекты».

Но довольно о классике. Несмотря на то что, как я уже сказал, сегодня наемный индустриальный труд стал распространен как никогда ранее широко, в экономике за 150 лет после написания «Капитала» произошли значимые изменения, и они достаточно полно отражены в работах политэкономов-марксистов последних десятилетий. Политическая экономия марксизма значительно продвинулась по сравнению с «Капиталом» Маркса. Как мы уже отметили, метод и теория Маркса – это фундамент марксистской теории, раскрывающей анатомию экономических отношений и противоречий позднего капитализма. Само здание построено (хотя и не до конца) в последние десятилетия учеными Западной Европы и обеих Америк, Японии и России, Китая и Южной Африки.

³ См. также регулярно публикуемые с 1968 г. доклады Римского клуба (один из вызвавших наибольший резонанс в среде исследователей и экономполитиков доклад о пределах роста (Meadows et al., 1972), последний доклад, ознаменовавший 50-летие деятельности Римского клуба – ‘Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet’ (Weizsäcker & Wijkman, 2018).

⁴ «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» (Маркс, 1962, с. 386–387); «...буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» (Маркс, 1959, с. 9).

Теория позднего капитализма: тоталитарный рынок симулякров и виртуальные деньги

Развитие капиталистической системы на протяжении последнего столетия привело к трансформации всех основных отношений в ней. Трансформации, но не исчезновению: сущностные основы товарных отношений, капитала и тому подобного сохраняются, но, во-первых, они противоречиво соединены с ростками пострыночных, посткапиталистических отношений и поэтому, во-вторых, обладают значимой спецификой. Вот на этом вопросе – вопросе об этих трансформациях и этой специфике – мы и остановимся ниже.

Но сначала приведем наше определение феномена «*поздний капитализм*», воспользовавшись результатами предыдущей работы автора и его соавтора – А.И. Колганова: «Категория “поздний капитализм” широко используется в мировой марксистской и близкой к марксизму литературе (в частности, но не исключительно, в рамках Франкфуртской школы) для характеристики специфических черт капитализма, возникших в XX в. Продолжая традиции Э. Мандела и близких к нему ученых (Mandel, 1987; Jameson, 1991), мы определяем *поздний капитализм* как этап в развитии капиталистического способа производства, когда его прогресс (технологическое развитие, экономический рост) *требует использовать элементы посткапиталистических отношений* (сознательное регулирование экономики, бесплатное для потребителя предоставление широкого спектра благ и услуг в таких сферах, как образование, здравоохранение и др., перераспределение части прибыли капитала в пользу наемных работников и социально незащищенных слоев и др.)» (Бузгалин, Колганов, 2016а, с. 63). Подробнее закономерности и основные характеристики социально-экономического развития на этапе позднего капитализма раскрыты в (Бузгалин, Колганов, 2018, с. 13–54).

Как таковой – привносящий в содержание, а не только в формы элементы новой экономической организации – поздний капитализм характеризуется модификацией капиталистических отношений, начиная с исходного – товара. Трансформируется, частично отрицаясь, глубинная основа товарного производства – обособленность его акторов. На место господствовавшей ранее независимости производителей и, что обычно подчеркивается «основным течением», потребителей как суверенных агентов рынка приходит их технологическая и экономическая взаимозависимость. Более того, рыночные агенты подпадают под частичный локальный полицентричный контроль крупнейших корпораций, превращаясь в объекты их манипулятивных воздействий. Существенно, что это касается и тех рынков, которые формально нельзя отнести к рынкам не только с монополистической, но даже и с олигополистической конкуренцией. Рынки с формально свободно-конкурентным пространством в условиях позднего капитализма так же, как и все остальные, становятся пространствами, в которых корпоративные капиталы манипулируют своими контрагентами (прежде всего, но не исключительно, потребителями), навязывая им при помощи широкого круга методов технологического, экономического и даже политико-идеологического давления (включая маркетинг, пиар и т.п.) свои условия хозяйствования. Модель классического рынка – производится то, что хочет купить потребитель, – сменяется моделью позднего капитализма, где потребитель покупает то, что ему навязывает корпоративный капитал, манипулирующий потребителями и иными акторами рынка⁵.

Этот вывод марксистская политическая экономия сделала в начале XX в. Наиболее ярко он раскрыт в работе Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (Ленин, 1969). Позже его развили советские политэкономы так называемой

⁵ Один из видов такого манипулирования – хайп (англ. hype) – именно так и определяется даже в Википедии: реклама и иные методы продвижения товара, призванные не информировать, а навязывать продукцию корпорации (см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хайп>).

«цаголовской» школы (см., напр.: Цаголов, Киров, 1968; Хессин, 1968; Пороховский, 1985)⁶. Этот же вывод был сделан в середине XX в. классическим (Дж. Гэлбрейт и его теория «плановой системы» (Galbraith, 1967; Гэлбрейт, 1969)) и новым институционализмом (последний в этом случае использует термин «неравная переговорная сила» и др.⁷), а также некоторыми представителями неоклассики (они говорят о «рыночной власти»).

Такой рынок, являющийся пространством конкурентной борьбы не между равноправными обособленными акторами, а между разносильными манипуляторами, постепенно охватывает все сферы не только экономической, но и общественной жизни, подчиняя себе пространство культуры и образования, морали и политики, тем самым целостно, тотально подчиняя себе человека. Такой рынок мы в свое время назвали тотальным.

Подчеркнем, что субъектами такого манипулирования становятся уже не столько отдельные капиталы, сколько их *сети*, что превращает современный рынок не только в тотальный, но и сетевой.

Результатом дальнейшего прогресса *такого* рынка (точнее – такой системы отношений трансформированного товарного производства) в условиях развития новых, прежде всего информационных, технологий становится все большая ориентация его акторов на создание уже не товаров-вещей и даже не товаров-услуг, а их *знаков* (Vaudrillard, 1981; Бодрийяр, 2007). В результате этого формируется новый вид товара – товар-симулякр, новый вид потребностей – симулятивные, новый вид акторов такого рынка – люди-знаки, люди-симулякры (наиболее яркий пример здесь – «звезды» шоу-бизнеса). Потребительная стоимость такого товара-симулякра состоит в способности символически («как бы») удовлетворять потребность в наличии знака потребительского блага (например, этикетки «элитной» фирмы на подкладке, как бы удостоверяющей особый статус владельца одежды с таким знаком). Стоимость товара-симулякра определяется не трудом на его создание, а трудом на создание знака (отчасти его аналогом может служить бренд). Не будем далее углубляться в этот вопрос (автору уже доводилось писать об этом ранее (Бузгалин, Колганов, 2012)) и посмотрим на еще одну трансформацию – денег.

Если в условиях классического товарного производства деньги были товаром особого рода – единым эквивалентом, материальным воплощением всеобщего общественно-необходимого труда, то в условиях позднего капитализма они становятся продуктом фиктивного финансового виртуального капитала. Первое превращение – в продукт фиктивного капитала – было зафиксировано еще Марксом. Второе – развитие финансового капитала – стало объектом исследования Рудольфа Гильфердинга, Владимира Ульянова и их последователей более ста лет назад. Третье – виртуализация денег как продукта фиктивного финансового капитала – привлекло внимание политэкономов-марксистов только в последние десятилетия, став особенно интенсивным после мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. Мы здесь, как и выше, ограничимся лишь указанием на несколько наиболее значимых работ марксистов, посвященных данной теме, и на наш с А.И. Колгановым текст, где дан подробный анализ работ наших коллег и обосновано авторское видение природы этого феномена (Lapavitsas, 2009; 2005; Minsky, 1992; Бузгалин, Колганов, 2018, с. 246–276).

Естественно, что самым интересным в данном случае вопросом трансформации классического капитализма в новую фазу его развития является видоизменение отношений труда и капитала, основные черты которых мы и рассмотрим ниже.

⁶ Подробнее о результатах, достигнутых в рамках «цаголовской» (университетской) школы политической экономии см. (Dzarusov, 2010; Хубиев, 2004; Дзарасов, 2009).

⁷ Рыночная власть и рынок как механизм воспроизводства власти анализируются, исходя из теоретико-методологических принципов неинституционализма, в работах А.Н. Олейника. См., напр. (Олейник, 2011).

Теория позднего капитализма: эксплуатация творческого труда как вершина пирамиды отношений подчинения труда капиталу

Читатель, я думаю, уже понял, что основная идея автора данного текста состоит в том, что современный глобальный капитализм представляет собой как бы пространственную модель исторической эволюции этого способа производства. Глубокая периферия до сих пор живет в мире перехода от феодальных (а где-то и все еще родоплеменных) отношений к раннекапиталистическим. Едва ли большая (по численности жителей) часть экономического пространства Земли в последние десятилетия оказалась в эпохе индустриального капитализма, где только разворачивается генезис монополистического финансового капитализма. Ну а страны «ядра» по преимуществу (но не повсеместно – в США, например, есть немало гетто отсталости, превосходящих по степени деградации иные латиноамериканские фавелы) находятся в периоде позднего капитализма, причем в подпространстве начала заката его нелиберального этапа.

Соответственно, и отношения труда и капитала в рамках мировой капиталистической системы (на языке неоклассики можно сказать привычнее: глобальной рыночной экономики) включают несколько подпространств, или, если угодно, «пластов» эксплуатации. Выделим основные из них.

Первый – отношения, базирующиеся на преимущественно ручном труде с использованием наиболее простых индустриальных технологий и соединяющие в себе классические формы капиталистической эксплуатации с отношениями личной зависимости (полукрепостничеством). Для того чтобы познакомиться с практиками такого взаимодействия труда и капитала, не обязательно отправляться в Африку севернее Сахары – достаточно посмотреть на то, как осуществляется подчинение труда капиталу на одном из оптово-розничных рынков периферийного российского города.

Второй – отношения, базирующиеся на позднеиндустриальных технологиях (типичный пример – конвейер) и «классическом» реальном подчинении труда капиталу с элементами империалистической эксплуатации периферии. Типичный пример – промышленное предприятие или агрофирма РФ, где наряду с российскими квалифицированными рабочими и инженерами используется низкооплачиваемый и, как правило, ручной труд полулегальных эмигрантов.

Третий – сложная система отношений финансиализации, приводящая к концентрации основных прибылей и собственности в руках номенклатуры финансового капитала и – через систему опосредований – эксплуатации этим 1% (!) населения, контролирующим от 40 до 70% активов (см., напр. (Global Wealth..., 2017; Оксфам, 2015)), большинства уже даже не работников – жителей своих стран. К этому следует добавить еще два феномена, обусловленных все тем же глобальным доминированием корпоративного финансового капитала: то, что Самир Амин назвал присвоением империалистической ренты, и то, что у Дэвида Харви получило наименование «накопление через изъятие» (accumulation by dispossession) (см.: (Harvey, 2004; Бузгалин, Колганов, 2018, с. 400–403).

Наиболее современный и последний по счету, но не по значению тип отношений – взаимодействие капитала с креативными работниками – требует особого рассмотрения. Дело в том, что креативный работник вообще не может продавать свою рабочую силу, ибо она неотчуждаема от его личностных качеств по определению. Он может продавать либо продукт своего труда, и тогда его отношения с капиталом – это отношения двух более или менее равноправных акторов рынка, либо продавать капиталу себя как личность, «целиком».

На первой ситуации – не слишком равноправном (вспомним о рынке манипуляторов), но все же партнерстве – мы останавливаться в данном тексте не будем. Здесь нет эксплуатации, и эта ситуация уже описана в литературе (Хубиев, 2018). Суть этого, первого отношения замечательно выразил гений Александра Сергеевича Пушкина. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», – сказал поэт.

Он был прав, ибо по гамбургскому счету вдохновение, т.е. свою божественную душу, поэт (креативный работник) продавать не должен. Но в то же время Пушкин был не прав, ибо он не знал, что творца можно купить целиком, «с потрохами», заключив с ним долгосрочный контракт, в соответствии с которым он должен создавать именно то, за что получает деньги, и (!) ничего другого не создавать, а все, что он создаст за время действия контракта, станет навсегда собственностью фирмы, которая его наняла. И это будет второй тип отношений, где присутствует эксплуатация креативного работника капиталом.

Эта эксплуатация более чем специфична, ибо креатор (1) создает не стоимость, а всеобщее общественное богатство, являющееся по своей природе всеобщей культурной ценностью, но в условиях тотального рынка это действительно имеющее общественную ценность богатство получает форму товара, находящегося в частной собственности и продаваемого на рынке, обретает форму цены. Это превратная, но реальная форма. Именно это стоимостная форма продукта труда креатора и частная собственность на этот продукт есть источник и причина появления интеллектуальной ренты. Последняя присваивается капиталом, обладающим частной интеллектуальной собственностью на продукт творческого труда. Вот почему в результате эксплуатации творческого труда капитал присваивает интеллектуальную ренту, а не прибавочную стоимость. Он может ею даже поделиться с креативным работником, заплатив ему большой гонорар, – подчинение [креативного] труда капиталу от этого не исчезнет.

Плюс к этому капитал (2) подчиняет себе не просто труд, но «вдохновенье», личностные качества работника, заставляя его придумывать рекламу пива вместо того, чтобы писать о божественном чувстве любви.

Здесь возникает масса новых аспектов теории подчинения труда капиталу, которые активно исследуют автор и его коллега – А.И. Колганов (Buzgalin & Kolganov, 2013; Бузгалин, Колганов, 2016, с. 308–388).

* * *

Суммируем. Даже краткий очерк некоторых базовых положений как классической, так и современной марксистской политической экономии показывает: они ставят и позволяют решать ключевые, наиболее глубокие и масштабные социально-экономические проблемы современности, используя для этого как исторически-ретроспективный взгляд, так и прогностические возможности, основанные на выявлении закономерностей социально-экономического процесса.

Такая взаимодействующая с другими школами, открытая для критики и самокритики и в то же время критикующая других марксистская политическая экономия доказала свою перспективность и может смело смотреть в будущее в год 200-летия ученого, чьим именем гордится наше направление.

ЛИТЕРАТУРА

Амин, С. (2016). Современный империализм // *Вопросы политической экономии*, 1, 9–20.

Бодрийяр, Ж. (2007). К критике политической экономии знака. М.: Академический проект.

Бузгалин, А. В. (2017). Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // *Социологические исследования*, 7, 43–53.

Бузгалин, А. В. (2018). Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // *Вопросы экономики*, 2, 122–141.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2012). «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // *Вопросы философии*, 11, 31–42.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2016а). Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // *Вопросы экономики*, 1, 63–80.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2016б). Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // *Вопросы политической экономики*, 1, 21–43.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2017а). О стратегии опережающего развития России // *Проблемы теории и практики управления*, 7, 34–50.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2017б). Социальные, материальные и финансовые ресурсы опережающего развития России // *Проблемы теории и практики управления*, 9, 13–24.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2018). Глобальный капитал: В 2 т. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). М.: ЛЕНАНД.

Веркёй, Ж. (2017). Теория регулирования: от учебника к программе исследований (о книге Робера Буае «Политэкономия капитализма. Теория регулирования и кризисов») // *Вопросы политической экономики*, 2, 129–142.

Воейков, М. И. (2016). Роза Люксембург: Диалектика трансформации современного капитализма // *Вопросы политической экономики*, 3, 53–67.

Гэлбрейт, Дж. К. (1969). Новое индустриальное общество. М.: Прогресс.

Дзарасов, Р. С. (2009). Методология Цаголова в исследовании накопления капитала в современной России // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 3, 3–29.

Дзарасов, Р. С. (2015). Капитализм и социализм на весах политической экономики // *Вопросы политической экономики*, 3, 30–41.

Колганов, А. И. (2017). К критике концепции «власти-собственности» // *Вопросы экономики*, 7, 79–95.

Ленин, В. И. (1969). Полн. собр. соч. Т. 27. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Политиздат. С. 299–426.

Лэйн, Д. (2016). «Пост-капитализм» как новая экономическая система: критика // *Вопросы политической экономики*, 3, 8–21.

Мамедов, О. Ю. (2017). Одной макроэкономикой сыт не будешь // *Terra Economicus*, 15(4), 6–21, DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-4-6-21.

Мамедов, О. Ю. (2015). Методология современного политико-экономического анализа (азы экономико-теоретического исследования) // *Вопросы политической экономики*, 2, 10–13.

Мамедов, О. Ю., Брижак, О. В. (2013). Современная корпорация в координатах классической политической экономики // *Terra Economicus*, 11(4-3), 5–9.

Маркс, К. (1959). К критике политической экономики. Предисловие / В кн.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 13. М.: Политиздат.

Маркс, К. (1960). Капитал. Т. I / В кн.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 23. М.: Политиздат.

Маркс, К. (1962). Капитал. Т. III / В кн.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 25, ч. II. М.: Политиздат.

Оксфам (2015). Безопасность и справедливость для человечества. Доклад Оксфам, март. (<http://oxfam.ru/upload/iblock/2d9/2d95cbcf1a82d9399fbf3154d5dbd9f.pdf>).

Олейник, А. Н. (2011). Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: Российская политическая энциклопедия.

Пороховский, А. А. (1985). Большой бизнес: путь к господству (империализм и товарные отношения). М.: Мысль.

Пороховский, А. А. (2016). Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // *Вопросы политической экономики*, 4, 8–22.

Рязанов, В. Т. (2015). Development of the theory of capitalist crises: Political economy traditions and modernity // *Экономика региона*, 2, 40–49.

Рязанов, В. Т. (2016). Циклические и системные причины кризиса в России: роль социализации финансов в их преодолении // *Вопросы политической экономики*, 2, 88–106.

Сэв, Л. (1972). Марксизм и теория личности. М.: Прогресс.

Фриман, А. (2016). Сумерки машинокрайического подхода: незаменимый труд и будущее производства // *Вопросы политической экономики*, 4, 37–60.

Фромм, Э. (1990). Иметь или быть. М.: Прогресс.

Хессин, Н. В. (1968). В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Издательство Московского университета.

Хубиев, К. А. (2004). «Цаголовская школа» и ее нынешнее звучание // *Российский экономический журнал*, 3, 58–66.

Хубиев, К. А. (2016). Альтернативный подход к земельной реформе в России: отношения собственности и проблема их декриминализации // *Вопросы политической экономики*, 2, 76–87.

Хубиев, К. А. (2018). Инновационная экономика против наемной формы труда // *Вопросы политической экономики*, 1, 55–61.

Цаголов, Г. Н. (2015). Политэкономика будущего // *Вопросы политической экономики*, 2, 39–51.

Цаголов, Н. А., Киров, В. А. (ред.). (1968). «Капитал» К. Маркса и проблемы современного капитализма. М.: Издательство Московского университета.

Черковец, В. Н. (2017). Природа империализма и современный капитализм: особенности исследования их взаимосвязи // *Вопросы политической экономики*, 2, 87–96.

Эньфу, Ч., Цзянькунь, Г. (2017). Перспективы макроэкономического развития Китая: десять мер // *Вопросы политической экономики*, 1, 6–18.

Baudrillard, J. (1981). *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. Telos Press Publishing.

Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. (2013). The anatomy of twenty-first century exploitation: From traditional extraction of surplus value to exploitation of creative activity // *Science and Society*, 77(4), 486–511.

Buzgalin, A. and Kolganov, A. (2016). Critical political economy: The ‘Market-centric’ model of economic theory must remain in the past – notes of the post-Soviet School of Critical Marxism // *Cambridge Journal of Economics*, 40(2), 575–598.

Dzarusov, S. (2010). Critical realism and Russian economics // *Cambridge Journal of Economics*, 34(6), 1041–1056.

Fromm, E. (1963). *Marx's Concept of Man*. New York: Frederick Ungar.

Galbraith, J. K. (1967). *The New Industrial State*. Princeton University Press.

Global Wealth Report 2017. Zurich: Credit Suisse Research Institute.

Harvey, D. (2004). The «New» Imperialism: Accumulation by Dispossession // *Socialist Register*, 40, 63–87.

Jameson, F. (1991). *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.

Lapavitsas, C. (2005). The Emergence of Money in Commodity Exchange, or Money as Monopolist of the Ability to Buy // *Review of Political Economy*, 17(4), 549–569.

Lapavitsas, C. (2009). Financialised Capitalism: Crisis and Financial Expropriation // *Historical Materialism*, 17(2), 114–148.

Mandel, E. (1987). *Late Capitalism*. London – New York: Verso.

Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J. and Behrens, III, W. W. (1972). *The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. Universe Pub.

Minsky, H. (1992). The Financial Instability Hypothesis // *Working Paper*, 74, May. NY: The Jerome Levy Economics Institute of Bard College.

Wallerstein, I. (2004). *World-system analysis. An Introduction*. Durham.

Weizsäcker, E. U. and Wijkman, A. (2018). *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome*. N.Y.: Springer.

REFERENCES

- Amin, S. (2016). Contemporary Imperialism. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 1, 9–20. (In Russian.)
- Baudrillard, J. (2007). *To Criticism of the Political Economy of the Sign*. Moscow: Academic project. (Rus. translation.)
- Baudrillard, J. (1981). *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. Telos Press Publishing.
- Buzgalin, A. V. (2017). Creative economy: Private intellectual property or everybody's ownership of everything? *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 7, 43–53. (In Russian.)
- Buzgalin, A. V. (2018). The decline of neo-liberalism (To the 200th birth anniversary of Karl Marx). *Voprosy Ekonomiki*, 2, 122–141. (In Russian.)
- Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. (2012). «Capital» of the XXI century: simulacrum as an object of analysis of critical Marxism. *Voprosy filosofii*, 11, 31–42. (In Russian.)
- Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. (2013). The anatomy of twenty-first century exploitation: From traditional extraction of surplus value to exploitation of creative activity. *Science and Society*, 77(4), 486–511.
- Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. (2016a). Planification: Potential and role in XXI century market economy. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 63–80. (In Russian.)
- Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. (2016b). Theory of systematically development (regularity) and objectives of the development of selective planning in market economy. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 1, 21–43. (In Russian.)
- Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. (2017a). The strategy of advanced development of Russia. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, 7, 34–50. (In Russian.)
- Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. (2017b). Social, material and financial resources of Russia's advanced development. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, 9, 14–26. (In Russian.)
- Buzgalin, A. V. and Kolganov, A. I. (2018). Global capital. In 2 vols. Vol. 2. Theory. The global hegemony of capital and its limits («Capital» re-loaded). Moscow. (In Russian.)
- Buzgalin, A. and Kolganov, A. (2016c). Critical political economy: The 'Market-centric' model of economic theory must remain in the past – notes of the post-Soviet School of Critical Marxism. *Cambridge Journal of Economics*, 40(2), 575–598.
- Cherkovets, V. N. (2017). The nature of imperialism and contemporary capitalism: Peculiarities of the research of their interconnection. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 2, 87–96. (In Russian.)
- Dzarusov, R. S. (2009). Tsagolov's methodology in the study of the accumulation of capital in modern Russia. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Series 6. Economy, 3, 3–29. (In Russian.)
- Dzarusov, R. S. (2015). Capitalism and Socialism on the scales of political economy. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 3, 30–41. (In Russian.)
- Dzarusov, S. (2010). Critical realism and Russian economics. *Cambridge Journal of Economics*, 34(6), 1041–1056.
- Enfu, Ch. and Jiankun, G. (2017). Prospects for China's macroeconomic development: Ten measures. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 1, 6–18. (In Russian.)
- Freeman, A. (2016) Twilight of the machinocratic outlook: Non-substitutable labour and the future of production. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 4, 37–60. (In Russian.)
- Fromm, E. (1990). *To have or to be*. Moscow: Progress. (In Russian.)
- Fromm, E. (1963). *Marx's Concept of Man*. New York: Frederick Ungar.
- Galbraith, J. K. (1969). *The New Industrial State*. Moscow (Rus. translation.)

- Galbraith, J. K. (1967). *The New Industrial State*. Princeton University Press.
- Global Wealth Report 2017. Zurich: Credit Suisse Research Institute.
- Harvey, D. (2004). The «New» Imperialism: Accumulation by Dispossession. *Socialist Register*, 40, 63–87.
- Hessin, N. V. (1968). V.I. Lenin on the essence and main features of commodity production. Moscow: Publishing house of Moscow University. (In Russian.)
- Jameson, F. (1991). *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.
- Khubiev, K. A. (2004). «Tsagolov' School» and its current sounding. *Russian Economic Journal*, 3, 58–66. (In Russian.)
- Khubiev, K. A. (2016). An alternative approach to land reform in Russia: property relations and the problem of their decriminalization. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 2, 76–87. (In Russian.)
- Khubiev, K. A. (2018). Innovative economy against the wage form of labor. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 1, 55–61. (In Russian.)
- Kolganov, A. I. (2017). To criticism of the concept of 'power-property'. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 79–95. (In Russian.)
- Lane, D. (2016). «Post-capitalism» as a new economic system: A critique. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 3, 8–21. (In Russian.)
- Lapavitsas, C. (2005). The Emergence of Money in Commodity Exchange, or Money as Monopolist of the Ability to Buy. *Review of Political Economy*, 17(4), 549–569.
- Lapavitsas, C. (2009). Financialised Capitalism: Crisis and Financial Expropriation. *Historical Materialism*, 17(2), 114–148.
- Lenin, V. I. (1969). Imperialism, as the highest stage of capitalism, pp. 299–426 / In: Lenin, V. I. Full. collect. of works, vol. 27. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian.)
- Mamedov, O. Yu. (2017). Macroeconomics alone is not enough! *Terra Economicus*, 15(4), 6–21. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-4-6-21. (In Russian.)
- Mamedov, O. Yu., and Brizhak, O. V. (2013). The modern corporation in the coordinates of classical political economy. *Terra Economicus*, 11(4.3), 5–9. (In Russian.)
- Mamedov, O. Yu. (2015). Methodology of modern Political Economy analysis (foundations of the theoretical economic research). *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 2, 10–13. (In Russian.)
- Mandel, E. (1987). *Late Capitalism*. London – New York: Verso.
- Marx, K. (1959). Criticism of political economy. Foreword / In: Marx, K. and Engels, F. Works, vol. 13. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian.)
- Marx, K. (1960). Capital, vol. I / In: Marx, K., and Engels, F. Works, vol. 23. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian.)
- Marx, K. (1962). Capital, vol. III / In: Marx, K. and Engels, F. Works, vol. 25, part II. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian.)
- Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J. and Behrens, III, W. W. (1972). *The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. Universe Pub.
- Minsky, H. (1992). The Financial Instability Hypothesis // *Working Paper*, 74, May. NY: The Jerome Levy Economics Institute of Bard College.
- Oleinik, A. N. (2011). Power and market. The system of socio-economic domination in Russia of 'zero' years. Moscow: The Russian Political Encyclopedia Publ. (In Russian.)
- Oxfam (2015). Security and justice for humanity. Oxfam Report, March (<http://oxfam.ru/upload/iblock/2d9/2d95cbcf1a82d9399fbf3154d5dbd9f.pdf>). (In Russian.)
- Porokhovskiy, A. A. (1985). Big business: the way to domination (imperialism and commodity relations). Moscow: Myslj. (In Russian.)
- Porokhovskiy, A. A. (2016). Political economy in the XXI century: a systematic approach to solving the problems of the modern economy. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 4, 8–22. (In Russian.)

- Ryazanov, V. T. (2015). Development of the theory of capitalist crises: Political economy traditions and modernity. *Economy of Region*, 2, 40–49. (In Russian.)
- Ryazanov, V. T. (2016b). Cyclic and system reasons for the crisis in Russia: The role of the socialization of finances in their overcoming. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 2, 88–106. (In Russian.)
- Seve, L. (1972). Marxism and the theory of personality. Moscow: Progress Publ. (Rus. translation.)
- Tsagolov, G. N. (2015). Political economy of the future. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 2, 39–51. (In Russian.)
- Tsagolov, N. A. and Kirov, V. A. (eds.). (1968). The «Capital» of Karl Marx and the problems of modern capitalism. Moscow: Publishing house of Moscow University. (In Russian.)
- Vercuei, J. (2017). Regulation theory: from textbook to research agenda (on the Robert Boyer's book «Économie politique des capitalismes. Théorie de la régulation et des crises»). *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 2, 129–142. (In Russian.)
- Voyeykov, M. I. (2016). Rosa Luxemburg: dialectics transformation modern capitalism. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, 3, 53–67. (In Russian.)
- Wallerstain, I. (2004). World-system analysis. An Introduction. Durham.
- Weizsäcker, E. U. and Wijkman, A. (2018). Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. N.Y.: Springer.